

Итак, появление работ Бахтина привело к радикальной смене научной парадигмы. Амбивалентность в науке о литературе стала еще более отчетлива, «ужасающий априоризм» приходил во все более острое противоречие с конкретным анализом художественного текста. Марксистская парадигма «скрипела», обнару-

живая в то же время большую инерционную силу. Но научные ориентации все-таки менялись. Об этом можно судить опять-таки по репрезентативной статье «Роман», написанной в середине 1970-х годов.

Автор статьи В. А. Богданов уже оперировал категориями, которые не были присущи литературоведению прежних лет: романом он считал «эпическое произведение, в котором повествование сосредоточено на судьбе отдельной личности, на процессе становления и развития ее характера и самопознания»¹³⁶; под «эпопейностью» романа он понимал способность этого жанра открывать в жизни «общий, субстанциональный смысл»¹³⁷; место классовых механизмов, предопределяющих развитие жанра романа, заняло «тотальное отношение человека и мира»¹³⁸.

Богданов оперировал идеями и терминами Бахтина и ссылался на его работы, в частности на статью «Эпос и роман». Естественно, поэтому он более был занят генетической, типологической характеристикой романа, нежели его «величанием» и апологией. Что же касается романа соцреализма, то Богданов не отрицал ни его эпичности, ни пафоса социальной истории, окрасившей советский роман, ни того, что вершиной социального историзма стала «эпопея» Горького «Жизнь Клима Самгина» (но в скобках он поместил характерную оговорку: «Жизнь Клима Самгина» по типу построения... ближе к монументальной повести»¹³⁹). На первый план он выдвинул систему понятий, специфичных для советского романа как особой структуры: тип героев, мотивировки их поведения; тип сюжета и роль в нем социально-исторического «потока», часто противостоящего личности; жесткую монологическую позицию автора; «жертвенное служение героя “надличностной” революционной тенденции»¹⁴⁰ и др. Классическим советским романом-эпопеей он назвал «Тихий Дон» Шолохова, выделив в нем Григория Мелихова как символического носителя трагической встречи человека с историей. «Акции личности в истории», как говорил Мандельштам, явно повышались, но история все еще выступала как нечто «предопределяемое социально-классовыми истоками». Знаменательно, что ни «Русский лес» Л. Леонова, ни трилогию К. Симонова «Живые и мертвые» Богданов в ряд романа-эпопеи не включил. Бесспорными лидерами жанра романа-эпопеи на его взгляд были «Тихий Дон» Шолохова, «Хождение по мукам» А. Толстого, и несколько оговорочно, — «Жизнь Клима Самгина» Горького. В другом томе «Краткой литературной энциклопедии» была опубликована статья «Эпопея» Г. Н. Пospelова. Исполненная в характерной для него методологии, она, однако, заканчивалась категорическим утверждением: «За пределами героического эпоса термин “эпопея” можно употреблять только метафорически»¹⁴¹. По существу, Пospelов был ближе к Переверзеву, чем к Лукачу.